

допустить весьма вероятное предположение, что самый комплекс сочинений Пересветова с приложением повести обязан составлением или самому Пересветову, или кому-либо другому из ближайшего к нему времени, то и существование комплекса статей о Константинополе, здесь помещенных, мы можем отнести еще к XVI веку. От такого-то комплекса и идет Увар. 536 независимо от Хронографа. Если это так, то можно продолжить и далее выводы из нашего наблюдения: «пересветовский» комплекс (т. е. с включением сказания о Махмете) был известен также составителю второй редакции Хронографа, что, весьма возможно, и навело его на мысль включить сказание о Махмете в свой Хронограф, несколько переделав это сказание.¹ Таким образом, Увар. 536, хотя и неумело слив хронографическую повесть со «Сказанием» Пересветова, дает еще черту для литературной истории повести, проясняя ее отношения к Хронографам.

Несколько иные, нежели предыдущий текст, указания для литературной традиции повести дает текст Барс. 1525, конца XVII века.² В основе барсовского текста лежит опять хронографический, но он подвергся значительным изменениям в результате переработки. Переделка же основного текста повести выразилась прежде всего в сокращении объема всей повести. Сокращение это достигалось главным образом путем простого пропуска отдельных частей оригинала, отдельных эпизодов, иногда довольно значительных. Так, уже в Сказании о построении Царьграда отсутствуют: сообщение о столпе (колонне) Константина, о праздновании «обновления града» и посвящения его богоматери, о заботах о пополнении города жителями, о собирании в город всякой святыни и «достопамятных вещей»; сохранены только заключительные слова (Андрея Критского). Весь рассказ о строительстве Константина свелся к следующим словам: царь создал, кроме церкви Софии, «великия святыя божия церкви святыя мученицы Ирины и грозного воеводы архистратига Михаила и святых божиих церквей, якоже великий Устиниан царь и Феодосии и благоверная царица Евдокия, жена Ираклия царя. По сих же и иные мнози последующе им. И тако наполнися град преславными и великими вещьми, им же божественный Андрей Критский удивився...» (л. 4 об.). Тут, кроме механического пропуска, мы видим и другой прием, практиковавшийся при переделке: сокращенное, сжатое изложение взятого из подлинника материала. Те же виды сокращения применяются и в других случаях; так, эффектные эпизоды из второго приступа турок к городу 30 апреля (о больших двух турецких пушках, первых разрушениях городской стены, об удачном выстреле Зустуня, начале общего приступа) опускаются, взята только последняя общая фраза предыдущего рассказа и дальнейшее, начиная с обращения царя к стратигам и воинам.³ Все сведено к двум фразам: «Турки же по всем местом по вся дни приступаша ко граду, стужающе греком. Царь же же Цариграде положим начало, от кого создан бысть и почему прозвася Царьград», т. е. мы имеем перед собою один из знакомых нам комплексов.

¹ Ср.: В. Ф. Р ж и г а, ук. соч., стр. 11.

² Текст помещен на первом месте (лл. 1—28) сборника, составленного из различных по происхождению тетрадок в 4-ку, писан разгонистой скорописью, кажется, двух писцов. Повесть занимает лл. 6—28 об., ей предшествует, как обычно бывает в этих случаях, сказание о построении Царьграда с несколько своеобразным заглавием: «Сказание о поставлении великого седмохолмного Царяграда, зовомого Константина, ныне же от турок наречеся град Станбол». Самая же повесть озаглавлена: «Сказание о взятии великого преименитого Царяграда, зовомого Константина, от безбожного турецкого царя Магмета, Муратова сына». Текст повести при переплете перебит, порядок листов должен быть такой: 1—7, 16—23, 8—15, 24—28.

³ Здесь выпущена часть текста со слов: «В 30-й же день 2-й приступ По первом приступе» и кончая: «молитися богу со слезами и рыданием» (ПСРЛ, XXII, стр. 448).